

О с и п о в Г. В. ВВЕДЕНИЕ В СОЦИОЛОГИЧЕСКУЮ ТЕОРИЮ. М.: Наука, Вече. 2010. 336 с.

Есть сакраментальный вопрос, провозглашенный некоторыми нашими социологами о том, существует ли теоретическая социологическая мысль в России. Поставив его перед читателями и вооружившись лишь знаниями некоторых западных концепций при отсутствии реального опыта, они не могут найти ничего заслуживающего внимания в отечественной социологии. И хотя в реальности появляются работы, доказывающие существование теоретической мысли в России (А. Г. Здравомыслов, С. А. Кравченко, Н. Е. Покровский, Ж. Т. Тощенко, В. А. Ядов), не говоря уже о концептуальных поисках, связанных с важнейшими направлениями социологического знания (А. В. Дмитриев, Н. И. Лапин), любители говорить о том, что в этой области знаний ничего не сделано, не унимаются. Ответом на поставленный вопрос является труд академика Г. В. Осипова - итог многолетних размышлений, в известной мере концентрированное изложение предшествующих трудов и публикаций по данной проблеме. В нем изложены идеи, во многом по-новому освещающие кардинальные проблемы социологической науки.

В предлагаемой рецензии мы не намерены пересказывать все идеи монографии. Отметим только, что автор не претендует на анализ всей теоретической мысли как отечественной, так и зарубежной, и скромно именуется свой труд "введением". Но и в нем охвачены и анализируются основные проблемы социологической теории, которые, на наш взгляд, изложены кратко, а некоторые даже в виде тезисов. Поскольку проблематика монографий многопланова, остановимся на идеях, привлечших наше внимание, важных для конструктивного видения судьбы социологии, и не только отечественной, но и мировой.

Прежде всего, обратим внимание читателя на идеи, высказанные о научных основах социологии. Общеизвестно, что когда говорят о возникновении социологии, её теории и методологии, ссылаются на философию как её прародительницу. В монографии *автор относит философское знание к вненаучному, наряду с мифологическим и религиозным*, которое определяется как "особый продукт духовной деятельности, направленный на понимание и объяснение окружающего мира как единого целого и места человека в нем" (с. 9). Отдавая должное философии, автор предлагает свою трактовку её развития и соотношения с другими науками. По его мнению, в XVIII веке произошел *первый водораздел* между философским и естественно-научным знанием, когда они стали "рассматриваться как разные и в какой-то степени противоположные формы человеческого познания" (с. 9). В XIX веке состоялся *второй водораздел* между философией, с одной стороны, и социально-научным и гуманитарным знанием, - с другой, когда начали складываться науки об обществе и человеке, в первую очередь, в виде социологии и психологии.

В этой связи важен вывод автора о том, что социология, отпочковавшись от философии, почти весь XIX век несла на себе печать общеполитического знания. Установка О. Конта, как основоположника позитивизма, была реализована только на рубеже XIX - начала XX века, когда к изучению социальных проблем подошли с позиций "положительного знания о мире и о том, что в нем происходит" (Ф. Энгельс). Лишь в XX веке новое социальное знание стали получать при помощи таких инструментов, которых не знал предшествующий опыт развития наук об обществе. "Начиная со второй половины XX века (за точку отсчета обычно принимается время окончания Вто-

рой мировой войны), - утверждает автор, - общественные науки, и социология в их числе, окончательно отказываются от своего философского статуса и официально получают статус науки" (с. 7). Самостоятельность, определенность и значимость социологии получает свое реальное воплощение в развитии как теоретической мысли, так и в практическом её применении.

Центральной идеей, пронизывающей всю монографию, стало последовательное и аргументированное отстаивание теоретической концепции, суть которой состоит **в обосновании основополагающей роли и значения такого феномена как социальное**. Исходя из этого, авторским принципом становится анализ *социальной реальности как "отжившейся во всем её бесконечном многообразии объективизации субъективной деятельности человека, являющейся частью экосистемы"* (курсив автора) (с. 22). Все разнообразие явлений и процессов социального мира предлагается рассматривать через четыре основных вида взаимодействия: экономическое, социальное, политическое и духовно-нравственное, каждый из которых имеет свои структуру, особенности и выработанные в процессе познания специфические методы исследования и измерения. Причем, особо подчеркнем, что эти идеи упорядочивают видение не только общественных наук вообще, но и социологии в частности. К трактовке социальной реальности, её взаимодействию с другими системами автор возвращается неоднократно, утверждая эту идею в её человеческом измерении (см. главу 6.2). Социосфера рассматривается как рядоположенная с техносферой, абiotсферой и биосферой, которые в своем взаимодействии создают экосистему. Именно во взаимодействии с этими сферами и может быть рационально построена и социальная жизнь, иначе "человечеству отводится от 30 до 60 лет, чтобы отбросить отжившие свой век принципы и практику организации своей жизни и выработать качественно новый путь своего развития" (с. 104). Хотя можно и усомниться в определении такого временного интервала, но тогда понятны утверждения автора о том, что необходим переход к новой системе управления обществом, которая должна привести к созданию общества знания, что означает "эпохальную смену высших ценностных приоритетов всего человеческого жизнеустройства" (с. 109).

Автор не ограничивается общими, хотя и основополагающими рассуждениями о социальности. В гл. 7 рассматриваются **социальные системы, их структура**. В отличие от философских рассуждений о системах, их роли и значении, его выводы тесно связаны с теми представлениями, которые важны для социологического знания. "Специфика социальной системы, - утверждает Осипов, - состоит в том, что она складывается на базе той или иной социальной общности (социальная группа, социальная организация и т.д.), а её элементами являются люди, поведение которых детерминировано определенными социальными позициями (статусами), которые они занимают, и конкретными социальными функциями (ролями), которые они выполняют, социальными нормами и ценностями, принятыми в данной социальной системе, а также их различными индивидуальными качествами (социальные качества личности, мотивы, ценностные ориентации, интересы и т.д.)" (с. 110). Это раскрытие содержания социальной системы одновременно является и методологическим и методическим ориентиром для проведения собственно социологической работы, организации эмпирических исследований, трактовка которых позволяет выйти и на уровень теоретического анализа. Этот системный подход позволил представить новые идеи о **ко-эволюции**. Пока этот термин весьма спорен и по-разному определяется представителями других наук. Автор предлагает свое видение - не просто учет, а сочетание всех параметров естественно-научной и социальной картины познания мира, что требует перейти к новому качеству управления. А это, в свою очередь, предполагает определение принципиально новых идей развития и соответствующие кардинальные и неординарные средства их достижения. По мнению автора, декоративное использование социологических данных, которое в настоящее время достаточно широко демонстрируется в управлении, не позволяет проявить творческий, созидательный потенциал социальных наук и применить его в решении как стратегических, так и насущных общественных проблем.

Привлекают идеи о человеческом измерении социальной реальности. В монографии неоднократно подчеркивается, что основополагающим элементом социальной системы является человек, ибо "вне социальных действий человека нет и не может быть никакой социальной реальности" (с. 22). Отсюда понятно, почему автор

категорически возражает против поиска "сущностей", "абсолютных законов", "абсолютных идей", которые стали опять распространяться в современной социологической мысли, что позволяет их апологетам вернуться к умозрительным схемам философского толка, порождая в лучшем случае "игру ума", но ни в коей мере не проясняя реальности происходящей социальной жизни. Осипов отстаивает свою позицию, что человек является мерой всех вещей и явлений окружающего мира, и от его роли и места в системе социальных отношений, его установок, профессионализма и личностного восприятия окружающего зависят характер и направление развития человеческой цивилизации (с. 106). Иначе говоря, личностное измерение социального мира провозглашается основополагающим. Именно такой подход позволяет выявить и охарактеризовать роль индивидуальностей, деятельность которых может быть благом для общества или служить деструктивным целям.

Особое место в монографии занимают **методологические и методические проблемы социологических исследований**. Обращаем внимание читателя на типологию исследовательских проектов, которые, по мнению автора, можно рассматривать как экспериментальные, сравнительные, этнографические и проекты обследования (с. 188 - 192). Их обоснование и применение тесно связано и коррелирует с использованием математического аппарата, анализом его возможностей и специфики решения разного вида прикладных проблем. Раскрываются новые возможности и малоиспользуемые методы измерения и анализа социальных данных. Из предложенных автором новых объяснений можно назвать метод нечислового моделирования (с. 193), ранее неизвестные возможности вероятностных, геометрических и алгебраических моделей. Большое внимание уделяется приемам, разработанным в других науках, особенно в психологии и антропологии. Не остается в стороне и рассмотрение возможностей достижений всей науки, что выразилось в описании компьютерного анализа, применения комбинированных обоснований данных. К сожалению, эти методы фактически не используются или их применение не принесло значимых результатов (с. 221 - 222).

С анализом социальной реальности тесно связан вопрос о том, как её измерять, что непосредственно находит выражение в **обосновании социальных показателей и индикаторов**. Социологи в своей работе сталкиваются с необходимостью решать проблему - как трактовать полученные данные, как оценивать и как на них ориентироваться. Слабость и даже беда многих социологических исследований заключается в том, что их авторы не применяют эти измерения. В свое время немецкие социологи широко использовали такие ориентиры как "рабочий оптимум", который означал наиболее рациональные и эффективные показатели развития тех предприятий, организаций, сообществ, которые олицетворяли достижение наиболее эффективных и значимых рубежей. В данной монографии предлагается использовать сопоставление предельно-критических и реальных показателей: экономических и политических отношений, социальной сферы, демографического развития, экологической ситуации, девиантного поведения (с. 68 - 69). Автор обращает внимание на необходимость создания в России единой системы социальной статистики, стабильного и непрерывного исследования социальных процессов, качественного социального образования. Только тогда функции социологии при опоре на достоверную научную информацию позволят оценить и выявить возможности развития общества, послужат основой рационального регулирования социальных явлений и процессов и обеспечить с достаточной точностью реализацию требований социального прогнозирования (с. 268 - 271).

Особое место занимает анализ взаимодействия, взаимоотношения государства и науки. К этому вопросу автор возвращается неоднократно - от резкой критики позиции государственной власти до выработки рекомендаций и предложений, как построить эти взаимоотношения, которые далеки от идеальных требований. Как бы ни была мудра власть, она не может решать социальные проблемы без знаний соответствующей области общественных наук. В монографии показывается, что игнорирование данных социальных, в том числе социологической, наук чревато большими издержками (с. 62). В монографии обращается внимание на опыт США, руководители которых включили общественные науки в государственную практику, и на этой основе решили целый ряд проблем, чреватых непредвиденными последствиями и возможным коллапсом. В этой связи анализируется вклад амери-

канских социологов Г. Мюрдаля, Э. Мейо, Э. Шелдон, участие которых в принятии важных государственных решений привели к эффективному осуществлению важных общественных преобразований. Можно напомнить и деятельность Э. Гидденса на посту советника правительства Великобритании, советы и предложения которого в течение ряда лет реализовались во внутренней и внешней политике. Однако в России до сих пор сохраняется значительное противоречие между культурой общественных наук и культурой власти, которое выражается в древнем латинском выражении: "Quam parva sapientia mundus regitur" ("Сколь малым знанием управляется мир"). Говоря о России, автор делает нелицеприятный вывод: "Власти на всех уровнях продолжают совершать свои социальные действия по методу проб и ошибок. Но допущенные в практической деятельности ошибки множатся сами собой, создавая определенный социальный контекст действия. В конце концов, доходит до очевидных нелепостей, однако созданный социальный контекст побуждает авторов ошибок идти по проторенному пути, умножая негативные последствия своей деятельности" (с. 7).

С проблемой взаимоотношения власти и науки соотносится *анализ взаимодействия социального знания и предпринимательской деятельности*. В монографии упоминается исторический опыт такого взаимодействия, начиная с Ф. Тейлора, который сам олицетворял это единство - научное знание и менеджерскую деятельность. Однако современный этап развития предпринимательства в России далек от рационального использования возможностей социальных наук, а если что-то и проводится, то это в основном связано с личностью предпринимателя, чем общепринятой осознанной потребностью. Осипов показывает, что неиспользование данных социологии в их работе или в деятельности общественных организаций (например, в работе профсоюзов) приводит к серьезному обеднению их деятельности, к потере влияния и отсутствию перспективы.

В монографии анализируются современные социальные концепции. Обратим внимание на *анализ постмодернизма*. Характеризуя современную социологическую мысль, автор оценивает ее критически: "социологи-постмодернисты делают вывод об эфемерности, нестабильности, неопределенности, парадоксальности, иррациональности или вовсе об исчезновении социального бытия. Сущностный принцип этой логики заключается в замещении реальных вещей и поступков образцами-симулякрами" (с. 26). Автор считает, что опираясь на эти положения, нельзя получить достоверное знание, нельзя прийти к эффективным и значимым результатам, добиться и построить вразумительную и последовательную политику по решению насущных и волнующих общество проблем. На наш взгляд, при обзоре существующих социологических теорий и концепций следовало бы уделить внимание идеям, изложенным в работах П. Штомпки, А. Турена, Р. Коллинза.

Отметим позицию автора, когда он выступает *противником поиска общей социологической теории*, которая бы объясняла и позволяла упорядочить общественную жизнь как таковую. Такое стремление и отечественных и зарубежных коллег автор объявляет "погоней за призраком" (с. 22). Отстаивая свое видение развития теории, автор допускает и иные трактовки социальной реальности, но при соблюдении доказательной и аргументированной базы. В монографии показано, что в поисках общей социологической теории обычно апеллируют к естественно-научным законам, игнорируя тот факт, что нет общей теории, которая бы объединяла физику, химию, биологию и другие естественные науки. Переходя к обоснованию своих предложений, автор большое внимание уделяет трудам как зарубежных, так и отечественных ученых, подчеркивая их вклад и одновременно определяя их ограничения.

Несомненно, новый труд Г. В. Осипова является важной вехой в осмыслении проблем социальной реальности, развитии теоретической социологии, ее основных положений и намечает пути её дальнейшего развития как полноправной и граждански ответственной науки.

Ж. Т. Тощенко, В. Л. Шульц, члены-корреспонденты РАН

Ф е д о р о в В. РУССКИЙ ВЫБОР. Введение в теорию электорального поведения россиян. М.: Праксис. 2010. 384 с.

Книга В. Федорова имеет подзаголовок "Введение в теорию электорального поведения россиян", который не должен обманывать читателя - это точно не "введение", а как минимум глава размышлений на эту тему, а то и не одна. Появление теоретических оснований давно назрело, ведь свободные выборы в нашей стране регулярно проводятся уже почти двадцать лет. Впрочем, нужна ли для России отдельная теория или достаточно просто применять классические образцы, созданные в странах "старой демократии"?

Автор считает импорт "классических" (впрочем, самой старой из них едва исполнилось полвека) концепций совершенно недостаточным и находит тому две причины. Во-первых, единой теории электорального поведения не существует в принципе, а четыре или пять наиболее популярных отчасти конкурируют, а отчасти дополняют друг друга. Некоторую пользу они могут принести при анализе того, как голосуют россияне, но далеко не всё способны объяснить: чем больше значение феномен имеет для отечественной политики, тем меньше его разъясняют трактовки зарубежных коллег. Во-вторых, как политическая история, так и социальная ткань, и культурная жизнь российского общества настолько отличны от западноевропейских и американских аналогов, что созданные на чужом субстрате представления в ряде случаев скорее запутывают исследователя, чем помогают проникнуть в суть явления.

Итак, западные теории электорального выбора нуждаются в изучении и творческой интерпретации применительно к российской политической практике, но, как считает Федоров, сами по себе они не образуют необходимой критической массы объяснений, способных составить работающую и эмпирически подтверждающую концепцию поведения современного российского избирателя. В результате важнейшая отрасль прикладной политологии, как и активно развивающееся направление политической социологии, остаётся без адекватного инструмента понимания предмета. Иначе говоря, почему мы голосуем так, а не иначе, остаётся непонятным, и в результате множатся конспирологические и другие антинаучные псевдообъяснения, самым популярным из которых было и остаётся: "не важно как голосуют - важно, как посчитают".

Тема фальсификаций, неизбежно возникающая в ходе российских выборов, удостоилась в книге специального раздела. Федоров, как, вероятно, и приличествует директору государственного исследовательского учреждения, склонен оценивать вес фальсификаций в результатах федеральных выборов как незначительный, а инициативу в их организации усматривает за местным начальством, но никак не за федеральными руководителями. Интересно, а коррупция в ГБДД, по мнению автора, тоже локализована на низовом уровне или же, как показывают независимые исследования, имеет место коррупционная пирамида, в которой обычные дорожные полицейские выступают только первичным звеном, от которого взятки передаются вверх по этажам, вплоть до самого высшего? Если так, то предположение Федорова об относительно честном характере официальных результатов выборов оказывается беспочвенным, а стало быть, и вся их интерпретация, которой посвящена его книга, весьма спорной.

Впрочем, мы не имеем намерения тотально оспаривать эти выводы, но рекомендуем автору осторожнее к ним относиться и пользоваться для построения своей теории не только ими, но и результатами альтернативных подсчетов ("метод математика С. Шпилькина"), доказывающих на анализе результатов президентских выборов 2008 г., что процент фальсификации составил никак не 1 - 2%, как считает Федоров, а до 8% от общего числа голосов. Это, согласимся, серьезная поправка, которая в некоторых ситуациях может кардинально поменять интерпретацию электорального поведения граждан. Но Федоров такой поправки, к сожалению, не делает, что не только ставит под сомнение эвристичность его выводов, но и заставляет высказать подозрение: а не является ли вся эта работа не научным трудом, а лишь примером апологетики, инструментом легитимации правящего режима псевдонаучными средствами?

Более глубокое прочтение книги во многом развеивает такие опасения. И хотя авторская позиция просматривается достаточно четко, научный характер предлагае-

мой им интерпретации становится очевидным. Федоров достаточно глубоко разбирает взаимосвязь социально-демографических характеристик и партийных симпатий избирателей, отмечает зависимость определенных показателей и электоральных предпочтений в истории российских выборов, подробно рассматривает взаимообусловленность поведенческих установок в ходе электоральных кампаний. Он также использует типологию форм индивидуального приспособления Мертона и применяет ее к электоральному поведению россиян, утверждая, что социальные трансформации оказывают сильное влияние на поведенческие установки избирателей, что отражается на их электоральных предпочтениях, активизируя те или иные культурные коды и модели поведения.

В целом, попытка увязать особенности российского голосования с современным состоянием социальной структуры представляет собой сильную сторону книги. Федоров, пользуясь обилием находящихся в его распоряжении социологических данных (прежде всего собранных ВЦИОМ "длинных рядов"), дает объемную и красочную картину развития электорального выбора, связывает становление новой социальной структуры с формированием политических ценностей россиян. На смену советской уравнивательной идеологии, констатирует автор, пришли ценности потребления и эгоцентризма, и Россия, оставаясь достаточно бедной страной, в то же время стала "обществом потребления".

При этом специфика общества сегодня такова, что традиционные ценности сохраняются наравне с выражением новых, выработанных иной социальной реальностью. Это выражается, в том числе, и в наличии среди сторонников партии "Единая Россия" двух "крыльев": сторонников "сильного и социально ориентированного государства" и выступающих за "сильное государство и рыночную экономику" (примерно 31% и 27%, согласно данным ВЦИОМ). Вместе с тем автор считает, что новый российский средний класс пока политически не оформился. Мы бы сочли такой вывод даже слишком осторожным и, со своей стороны, предложили бы Федорову, а вместе с тем и читателям книги, поразмышлять вот над чем. Как сработал бы анализ социокультурных истоков электорального поведения, если бы за основу было взято не довольно традиционное описание социальной структуры нашего общества, характерное для Т. Заславской, Н. Тихоновой и прочих "гуру" отечественной социологии, а действительно новаторские, пионерские подходы, исповедуемые О. Шкаратаном или С. Кордонским? Федоров, к большому сожалению, о них только упоминает вскользь, предпочитая избежать всех сложностей, связанных с применением этих неортодоксальных концепций к предмету своего исследования.

Между тем анализ взаимосвязей социальной структуры и политического выбора лишь предваряет центральную, на наш взгляд, идею книги. Она не является совершенно оригинальной, а скорее развивает и прикладывает к конкретному российскому выборному материалу более общий и фундаментальный подход, набирающий популярность в целом ряде общественных наук на протяжении как минимум последних двух десятилетий. Этот подход отдаёт основную роль в формировании политического поведения не социальной структуре, а политической культуре. Федоров продолжает традицию тех исследователей, которые считают, что политический строй общества тесно связан с социальными отношениями и основан на национальной политической культуре. При этом выбор политического пути развития и возможность пересмотра некоторых ключевых установок национальной культуры (де-факто отрицаемая частью культурологов), по его мнению, все-таки существует. Но он лежит во вполне определенных рамках: современные технологии не могут изменить культурные коды и архетипы, но в состоянии корректировать мировоззренческую картинку аудитории при опоре на присущую ей "матрицу сознания".

В заключение скажем, что рецензируемый труд, безусловно, является примером исследования электорального поведения россиян, автор имеет свою (пусть и спорную, и даже полемически заостренную) позицию, раскрывая ее ярко и убедительно. Книга написана хорошим языком и рассчитана на профессиональную аудиторию, которой мы рекомендуем не только ее прочесть, но и воспринять как интеллектуальный вызов, с которым стоит поспорить - и возможно, противопоставить ей контртеорию, более взвешенную, объективную, свободную от налета политической злободневности.

М. А. ТАРУСИН, руководитель социологического отдела Института общественного проектирования

В заголовках недавно вышедших книг (как в России, так и за рубежом) все чаще встречаются определения "непредсказуемые", "непонятые", "непостижимые", "немыслимые" факторы, свидетельствующие о большой доле сомнений, непредвиденности происходящего в обществе, его кризисности и нестабильности. В отличие от этих пессимистических определений рецензируемая книга¹ более оптимистична. Она посвящена взаимовлияниям экономики и общества, которые остаются пока неосознанными, но могут быть познаны или хотя бы признаны в качестве существующих. Цель книги, равно как всего междисциплинарного проекта, руководимого академиком РАН О. Т. Богомоловым, состоит в том, чтобы выявить указанные взаимодействия.

Это не первая, выпущенная по данному проекту книга². Уже в предшествующей работе рассмотрен важный круг вопросов: идейные основы общественного развития, общественно-политическое устройство, человеческий и социальный капитал, культурно-нравственные устои развития и их влияние на экономику, которая предстает как неразрывно связанная с политикой, государственным управлением, социумом, человеком и нравственностью. В рецензируемой работе этот спектр факторов становится более осознанным - устанавливаются их связи с экономикой и взаимовлияние. Здесь более полно представлены духовно-нравственные факторы, общественно-политическое устройство, интеллектуальный, научно-политехнический и демографический потенциалы России.

Авторы книги, как и участники "круглого стола" "Неосознанное взаимовлияние экономики и общественной среды", организованного Форумом "Запад-Восток: интеграция и развитие" в ноябре 2010 г., выдвинули идею *равного статуса* традиционных ценностей, культуры и развития современной, эффективной и справедливой экономики. Они показали, что политические тенденции часто сталкивают эти ценности друг с другом. Но, заметим, что они действительно и сами не раз сталкивались в развитии капитализма. Поначалу новые рыночные отношения встраивались в традиционные общества и соединялись с их ценностями, но со временем экономика выступила как развитая целерациональная система, которая на весах истории, соотносящих её с остальными сферами общества, получала сначала равное, а затем преобладающее значение. Таким стал XIX век - век либерального капитализма. В период первой глобализации 1885 - 1914 годов (английской free trade), вовлекшей в свою орбиту и другие страны, прежде всего, Россию и Германию, экономическое соперничество государств приняло глобальный характер и привело к Первой мировой войне, поскольку Германия была неудовлетворена своим положением в глобальном раскладе экономических сил. В послевоенный период идеи экономического главенства несколько ослабли в сравнении с прочими факторами и сферами общества. В период Второй мировой войны К. Поланьи, эмигрант из Венгрии, получил в США, стоящих на стороне антифашистских сил, грант на написание книги "Великая трансформация", в которой именно победу либеральной экономики над обществом со всеми присущими ему сферами и факторами в конце XIX - начале XX века рассматривал как чреватую фашистской реакцией и приведшую к ней. С 1920 до начала 1960 гг. в мире доминировал организованный капитализм, в котором преобладали идеи государственного и социального влияния, социал-демократии и технократии. Он перешел в кризисную фазу некото-

¹ Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние. Научные и публицистические заметки обществоведов. Руководитель исследовательского проекта, научный редактор академик О. Т. Богомолов. М.: ИНЭС. 2010. 796 с.

² См.: Экономика и общественная среда: неосознанное взаимовлияние. Научные записки и очерки. М.: Институт экономики РАН, Институт экономических стратегий. 2008. 439 с.

рой неопределенности, именуемую постмодернистской, но в этом была лишь реакция растерянности перед новыми неосознанными факторами - студенческими бунтами на Западе, неожиданным подъемом Японии и др. В 1990-е в посткоммунистическом мире возник неомодернизм, копирующий либеральный Запад XIX века, с вновь вспыхнувшими идеями главенства экономики над обществом, догоняющей Запад модернизации, отказа от признания значимости национальных культур, роли государства. Они не обеспечили удачного реформирования посткоммунистических стран, не вполне позволив понять влияния, коренящиеся в неосознанных факторах социальной среды. Сегодня капиталистическое развитие охватило посткоммунистический мир и многие другие незападные страны (Азии и Латинской Америки). Быстрый экономический рост также произошел в странах социалистической ориентации, но хозяйственной демократии (Китай, Вьетнам), показав значимость национальной традиции, культуры, трудовых мотиваций, политического устройства, духовных факторов в развитии их экономик. Сегодня никто уже не может сказать про эти страны, что они следуют или должны следовать догоняющей Запад модели развития, что культура, политические и моральные факторы, технический уровень и интеллектуальный потенциал, социальный и человеческий капитал не имеют значения для их экономического развития, что экономика не воздействует на них.

Хотя этапы доминирования экономики над обществом имели место в истории капитализма, с научной точки зрения неверно противопоставлять экономику и общество, мобилизационные модели догоняющего развития цивилизационным. На данном этапе речь идет о том, как мобилизационная модель догоняющего развития в России ощутила через неудачи своего применения в 1990 годы влияние культурных особенностей страны и не смогла преобразоваться в национальную или цивилизационную модель развития, как страны Азии, которые обеспечили экономический рост за счет использования своих культурных особенностей. Новая глобализация 1990-х годов рассматривалась многими исследователями, включая нас, как победа международного капитала над национальными интересами незападных стран. Но Китай опроверг эту формулу, поднявшись путем использования глобальных возможностей для достижения национальных экономических интересов и продаже производимых им продуктов легкой промышленности и других отраслей по всему миру за счет сохранения трудового и патриотического характера своего общества³.

Поскольку рецензируемая книга написана коллективом авторов и относится к разным аспектам и сферам влияния общества, она содержит подробный анализ их влияний на экономику, не касаясь общей концептуальной схемы, предложенной выше для проекта в целом, который продолжается и имеет большую теоретическую и практическую перспективу.

Перед рецензентами возник вопрос, а для кого факторы, разбираемые в книге, являются непознанными? Для социальных философов и социологов взаимовлияние экономики и общественной среды - достаточно осознанная проблема. Метафора неосознанности возникла из-за того, что многие экономисты не признавали подобного взаимовлияния, фокусируясь на вопросах экономического роста, эффективности, игнорируя влияние социальной среды на другие сферы общественной жизни, включая экономику, сводя человека к его экономическому облику.

Исследование социального, культурного, человеческого, символического и прочих видов капитала и потенциала - это то, что социологи и философы открыли довольно давно. Они парировали навязывание обществу экономической капитализации в распространяемых МВФ понятиях "социальный капитал", "человеческий капитал", дав им глубоко общественные и даже культурные характеристики в новых терминах "культурный капитал", "символический капитал". Вопрос в том, что слишком сильное расчленение на сферы экономики, политики и социологии, каждая из которых отвечала одна за государство, другая за рынок, а третья за общество, разделение XIX века, сформулированное в русле либеральной идеологии, сегодня нуждается в междисциплинарном синтезе, который и пытаются осуществить авторы рассматриваемой книги. После 1945 г. процесс развития науки привел к тому, что стали возникать множественные междисциплинарные исследования, и большинство открытий шли уже на сты-

³ С. 146 - 556, Федотова В. Г., Колпаков В. А., Федотова Н. Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. М.: Культурная революция. 607 с.

ке наук, в том числе, на стыке экономики и социологии. Эти вопросы нередко стали затрагиваться путем замены человека экономического человеком социологическим. Рецензируемая работа позволяет уйти от исходного противостояния двух абстракций - так называемого *человека экономического*, на которого часто опирается экономическая теория (это человек, ориентированный на максимальную прибыль и минимальные издержки, эгоистичный, нацеленный на успех, индивидуалистический) и *человека социологического* с противоположными характеристиками (коллективиста, менее склонного к инновациям, заинтересованного в поддержании более традиционного образа жизни, не агрессивного, сверхсоциализированного и прочее). Реальность гораздо богаче. И на самом деле, эти полюса обозначают полярные точки континуума, на котором расположены разные типы, разные формы человеческого поведения. И общество должно обеспечить возможность для людей быть где-то посередине, а не на этих полюсах.

Если же социальные философы и социологи имеют некоторые знания об объектах и процессах, которые называются в книге неосознанными, непознанными, то кто же является носителем этого незнания? Как отмечает академик О. Т. Богомолов в первом разделе книги "Диагноз экономик России", *экономисты и политики* часто игнорируют влияние на экономику *внеэкономических* факторов. Этот термин представляется наиболее адекватным, чем "неэкономические факторы", хотя бы по аналогии с тем, что мы говорим, когда речь идет о науке, о влиянии на нее "вненаучных" факторов, ибо термин "ненаучные" должен включить в себя и враждебные науке. Неэкономические аспекты экономики тоже можно истолковать не просто как внеположенные ей, но и как противоположные, враждебные, антиэкономические. Богомолов отмечает, что потребность в понимании внеэкономических факторов возросла в условиях глобального экономического кризиса и включила среди назревших вопросов, в первую очередь, роль государства в национальном хозяйстве, квалифицированных и честных управленцев. Основываясь на мировом опыте, автор показывает, что эта роль увеличивается в период кризисов. Показана значимость государства в преодолении недостатков отраслевой и социальной структуры экономики, инфляции.

Диагноз российской экономики продолжают уточнять такие авторы, как Р. И. Нигматулин и Б. И. Нигматулин, отмечая неравенство в распределении экономических доходов, важность прогрессивного налогообложения богатого класса и делая вывод о необходимости повысить, прежде всего, социальную ответственность государства и бизнеса. Они отмечают перспективу опоры на квалифицированных специалистов и невозможность осуществления экономической модернизации без социальной.

Раздел "Духовно-нравственные основы общественного развития" посвящен не только духовным ценностям, но и их месту в экономике. Э. Я. Баталов обсуждает значимость идей как движущей силы общественного развития, а также роль государства и рынка, различие и пределы возвышения их функций, отношения между индивидом, обществом и государством, необходимость нового социального контракта между государством и гражданами, экономическая эффективность. Б. Н. Кузык рассматривает духовность и цивилизационный код как экономические факторы. Здесь в литературе к этой статье нам не хватило М. Вебера, который выучил даже русский язык, чтобы рассмотреть действие данных факторов в период Первой русской буржуазной революции 1905 г.

Многие авторы обеспокоены нравственной деградацией нашего общества. Среди них Ж. Т. Тощенко, исследовавший раскол общественного сознания как угрозу для успешного преобразования России. Им приведены социологические данные, подтверждающие значимость антиномии как центральной характеристики общественного сознания России. К. Н. Брутенц рассматривает негативное воздействие российских СМИ, отмечая развлекательный перекокс, криминал на экране и отсутствие идеала общественного служения. Эта тема продолжается А. С. Запесоцким в емких характеристиках - свобода секса и апология насилия, реклама как "генетический код" общества потребления, отсутствия качества. Чрезвычайно важный для условий подключения к экономическому росту все новых и новых стран аспект предложен Б. Н. Порфирьевым - ресурсный дефицит и неэкономические блага природы, экологические риски экономического доминирования над обществом и природой, необходимость новой экономической политики.

Мы видим, что состояние общества не таково, чтобы осознание каналов его воздействия на экономику могло бы улучшить ее состояние, т.к. у общества оста-

лось немало проблем, порожденных неуклюжим и безграмотным реформированием 1990-х. Но вряд ли это было реформирование. Когда говорят "Иного не дано", речь идет о революции, разрушительная сила которой превосходит созидательную.

В третьем разделе "Общественно-политическое устройство" О. Т. Богомолов обсуждает научную проблему неадекватного толкования демократии в России и условия достижения демократии, а также обращает свое внимание на кризис западной демократии и возможности его преодоления. Своеобразное продолжение эта тема получила в статье Л. И. Кондрашова "Какая демократия нужна Китаю?" и в статье А. В. Кивы о сравнении Китая и России. И. В. Соболева рассматривает деформацию социального капитала и перспективы изменения подобной ситуации. Потеря доверия в обществе, неудачные шаги в перестройке образования мало способствуют позитивным воздействиям на экономику.

Четвертый раздел "Интеллектуальный, научно-технический и демографический потенциал России" открывается статьей СМ. Рогова о том, является ли российская наука жертвой рыночных реформ или движущей силой модернизации. Мы полностью соглашаемся с пафосом автора об исключительном значении российской науки для экономического и духовного развития России, для превращения ее в мировой банк интеллектуальных инноваций. Авторам, пишущим о науке, постоянно приходится показывать игнорируемую властями значимость фундаментальной науки как высшего способа получения новых технологических достижений (В. Е. Захаров). И к этому примыкают статьи И. В. Соболевой о состоянии образования, С. Ю. Глазьева о значимости интеллектуального потенциала страны для экономики. Их критический пафос показывает, что многие институциональные каналы улучшения жизни не действуют, нуждаются в обновлении и вряд ли могут, даже будучи познанными, помочь экономике, равно как сегодняшняя экономика помочь им.

Завершающая часть книги ставит вопрос о роли элит в России. В статьях А. Е. Чириковой, Р. Х. Симоняна, А. С. Запесоцкого, М. Н. Ненашева раскрываются позитивные и негативные качества российских элит, снижение роли интеллигенции в жизни общества.

Критический пафос книги направлен на улучшение жизни общества и усиление его взаимосвязи с экономикой. Это честная книга, написанная людьми, желающими блага своей стране. Мы думаем, что концептуальная работа по отдельным аспектам проблемы завершится целостной концепцией взаимовлияния экономики и общества.

В завершение приведем пронзительные слова О. Т. Богомолова по поводу своей научной и административной деятельности. Скажем от себя: научная деятельность двумя способами подвергалась деформации - четкому контролю власти, требованию сервильности в советское время и игнорированию со стороны государства сегодня, ибо их сервильный заказ распространяется на избранный круг мелких доверенных институтов, центров и пр. Но мы можем говорить то, что думаем. Это большая победа. Олег Тимофеевич пишет: "С годами начинаешь задумываться о том, что раньше не казалось столь важным. Теперь волнует вопрос не о смысле жизни - это нас занимало в молодости. Ныне пытаешься ответить на вопрос, что удалось тебе за свои годы сделать, были ли твои знания востребованы... Законы общественного развития формулируются учеными, даже тогда, когда их знание ложно, могут быть взяты на вооружение государственной политикой, растиражированы СМИ, стать официальной идеологией, подчинить себе поведение миллионов людей и изменить саму природу общества, по крайней мере, на какое-то время"⁴. Он говорит, что не приходит в уныние из-за того, что ряд идей не воплотились в практику. Путь применения социальных идей извилист. Новый проект ученого и рецензируемая книга говорят о том, что их работа не может остаться незамеченной. Концепцией можно пренебречь, найти более удобную, но нельзя проигнорировать факты и оценки, данные научной элитой.

В. Г. ФЕДОТОВА, доктор философских наук

И. Н. ФЕДОТОВА, кандидат социологических наук

⁴ Богомолов О. Т. Наши исследования не были напрасными // Мир перемен. Международный научно-общественный журнал. М.: Институт экономики РАН. 2010. N 3. С. 8 - 15.